

Сергей Антипов

УТИЛИЗАЦИЯ АПЛ: ФИНИШНОЙ ЛЕНТОЧКИ ПОКА НЕ ПЕРЕСЕК НИКТО¹

Заместитель министра по атомной энергии России С.В. Антипов ответил на вопросы главного редактора журнала Ядерный Контроль **Владимира Орлова**.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Что нового дает России и Минатому подписание Многосторонней ядерно-экологической программы в России (МНЭПР)?

АНТИПОВ: 6 октября 2003 г. состоялось заседание Комиссии по законотворчеству, которое рекомендовало Правительству Российской Федерации рассмотреть внесение МНЭПР на ратификацию. Поскольку Минатом определен правительством как главный координатор по этим вопросам, то основной объем работы и лежит на плечах Минатома.

Что дает России подписание МНЭПР? Безусловно, МНЭПР может стать универсальным организационно-правовым механизмом для реализации самых разных видов взаимодействия, будь то сотрудничество по Глобальному партнерству или по каким-либо двусторонним отношениям. То есть мы вырабатываем некий стандарт, который уже сегодня если и не признан всеми, то по крайней мере принят большинством участников международного сотрудничества в ядерно-экологической области. Если посмотреть на те двусторонние соглашения, которые действуют в этой области с нашими партнерами, то они довольно разнообразны. У нас огромный спектр подходов к вопросам компенсаций за материальный (ядерный) ущерб, по освобождению от налогообложения.

Известный Закон 1995 г. о технической помощи содержит сплошные поправки². Это говорит о том, что у нас нет устоявшейся нормативной базы. Соглашение МНЭПР, во-первых, может стать основой такой базы, а во-вторых, оно будет способствовать принятию ряда документов, которые снимут неопределенности и позволят работать дальше совершенно четко и однозначно.

К сожалению, не все идет так гладко, как хотелось бы. Прежде всего, внутри России есть межведомственные противоречия, столкновения интересов. Но в целом уже возникает понимание того, что общероссийские интересы должны превалировать над межведомственными. Так, я был удивлен, получив ответ на ратификационный пакет от одного из руководителей региональной администрации, в котором было сказано, что поскольку ядерные объекты являются федеральной собственностью и не стоят на балансе у администрации области, то областная администрация не считает обязательным вкладывать деньги в эти объекты и даже предоставлять

¹ Интервью было взято 1 октября 2003г. Прим.ред.

² Полное название: Федеральный Закон от 04.05.99 N 95_ФЗ «О безвозмездной помощи (содействии) Российской Федерации и внесении изменений и дополнений в отдельные законодательные акты Российской Федерации о налогах и об установлении льгот по платежам в государственные внебюджетные фонды в связи с осуществлением безвозмездной помощи (содействия) Российской Федерации» (закон о технической помощи 1995 г.). Прим. ред.

налоговые льготы. Региональными властями это воспринимается как какая-то работа, которая должна финансироваться из центра.

МНЭПР заработает только тогда, когда все поймут необходимость вкладывать средства в реализацию проектов, поскольку условием МНЭПР является освобождение как от местных, так и от региональных налогов. Если главы регионов хотят, чтобы в их регионах проводилась очистка территории, повышались экологическая безопасность и уровень занятости на предприятиях, то они должны внести свою лепту, хотя бы в виде освобождения от налогов. Таких мелочей достаточно много.

Я думаю, нам удастся до конца продумать хотя бы механизм освобождения от акцизов. Многие говорят, что он невозможен, но если мы его создали, то должны и дальше разрабатывать. Поэтому МНЭПР – это прекрасный стимул отладить наши внутренние отношения. С международной точки зрения – это хороший инструмент для использования тех средств, которые сегодня заявлены, причем в большей степени именно заявлены, а не реально выделены нашими партнерами. Общеизвестно, что Фонд Северного измерения, управляемый Европейским банком реконструкции и развития (ЕБРР), уже собрал достаточно солидные суммы: сегодня они, по разным оценкам, уже превышают 150 млн. долл., которые адресно переведены в этот Фонд для решения ядерно-экологических проблем России. До недавнего времени механизма использования этих денег не было, так как основным условием было заключение соглашения по МНЭПР, в котором должен был быть описан данный механизм. Мы надеемся, что после подписания Соглашения МНЭПР деньги пойдут и через этот источник, и мы начнем решать наши ядерно-экологические проблемы более эффективно, особенно на Северо-Западе России.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Какие направления приоритетны с точки зрения Минатома в рамках собственно утилизации АПЛ: разделка, безопасное хранение облученного ядерного топлива (ОЯТ) и радиоактивных отходов?

АНТИПОВ: Начнем с вопроса, собственно ради чего проводится утилизация АПЛ. Прежде всего, конечно, из-за ОЯТ. Если извлечь его из лодок и обеспечить безопасное хранение, переработку, то проблема утилизации самих лодок так остро стоять не будет: это будут просто стальные корпуса с оборудованием и радиоактивные отходы. Понимание, что делать с РАО, которые образуются при утилизации лодки, отсутствует. Кроме того, вновь появляются и вопросы финансирования. Жидкие радиоактивные отходы перерабатываются на тех же заводах, где идет утилизация. Все они обладают специальными установками, которые являются более или менее современными, но в той или иной степени позволяют перерабатывать все жидкие радиоактивные отходы. Проблема твердых отходов решается по-другому. По сути, твердыми отходами является весь реакторный отсек. Сегодня во всем мире этот вопрос решается одинаково. Отсек доводится до состояния герметичности, когда его можно хранить в течение долгих лет, пока естественным образом радиация не уменьшится в несколько раз. После этого отсек можно будет дезактивировать. Единственное, чего у нас не хватает, – это наземной площадки для отсеков, и нам нужна международная помощь для решения этого вопроса. В частности, Германия собирается в этом нам помочь.

Мы с вами оставили за пределами нашего обсуждения еще одну важную проблему. Я сейчас говорил только о тех отходах, которые находятся в лодках. Всего у нас было выведено из состава 192 лодки. Лодки эти много лет эксплуатировались, и топливо и радиоактивные отходы складировались на береговых технических базах флота. Таких баз четыре: две – на Севере, еще две – на Дальнем Востоке. Главная проблема заключается в том, что сегодня количество радиоактивных отходов и топлива, которое находится на этих базах, превышает то количество, которое находится в лодках. Поэтому приступить к решению этой проблемы гораздо сложнее. Базы пребывают в крайне неудовлетворительном состоянии. Зачастую они находились в ведении флота и только в 1999 г. были переданы Минатому. Наша задача – разобраться, какие материалы там есть, разработать четкие программы и планы по их утилизации и, наконец, эти планы реализовать. То есть, если говорить в процентном отношении, проблема береговых баз и радиоактивных отходов, которые там хранятся, является большей проблемой, чем проблема подводных лодок. Это видно и по финансовым вкладам, которые мы осуществляем: большая часть денег идет на работу по береговым базам. Когда мы говорим «утилизация лодок», мы опускаем слово «комплексная», однако всегда имеем его в виду. Комплексная утилизация атомных подводных лодок включает и все вопросы, которые мы решаем на берегу.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Как складываются ваши отношения с Военно-морским флотом по вопросу утилизации многоцелевых атомных подводных лодок?

АНТИПОВ: Флот является таким же исполнителем, как и Минатом. Наши отношения можно охарактеризовать как нормально-деловые, когда есть одинаковые, а иногда и не вполне совпадающие точки зрения. В спорах пытаемся найти истину.

Каковы основные проблемы в этой области? Когда лодка выведена из эксплуатации и более не является боевой единицей, она все еще остается в ведении флота. Такая лодка ложится тяжелым бременем на плечи флота: необходимо содержать экипаж, обеспечивать безопасность лодки, ядерную и техническую, ее непотопляемость. Для этого приходится содержать довольно обширную инфраструктуру. Например, база в Гремихе – это в прошлом боевая база флота, на которой теперь находятся только корабли в отстое. Флот, соответственно, стремится как можно скорее передать эти лодки Минатому, а если точнее, то предприятиям, которые занимаются непосредственно утилизацией. Минатом становится координатором, а непосредственно выполняют работы либо предприятия Военно-морского флота, либо судостроительные заводы, где Минатом выступает заказчиком. В свою очередь, заводы и, соответственно, Минатом стремятся брать лодки с темпом, с которым они могут быть утилизированы. Этот темп определяется финансированием. Поэтому баланс интересов и есть некая проблема: флот пытается сдать как можно больше лодок, а мы стремимся брать ровно столько, сколько можем утилизировать.

Российское финансирование сегодня не отвечает тем задачам, которые перед нами поставлены. Поэтому мы обращаем на это внимание мирового сообщества и ждем помощи, большей частью финансовой. К сожалению, на сегодня мы ее в нужном количестве не получаем. Единственным реальным источником финансирования

является программа Совместного уменьшения угрозы. Однако американцы дают деньги только на утилизацию российских стратегических лодок. Что же касается многоцелевых АПЛ, то единственная страна, с которой заключен контракт на утилизацию двух АПЛ, – это Норвегия. Ни с какими другими странами договоренностей пока нет, хотя переговоры в этом направлении достаточно далеко продвинулись, например с Японией, Германией, Великобританией. Поэтому какие-либо антагонистические противоречия отсутствуют, а тактические, конечно же, существуют. В октябре 2003 г. проводилось межведомственное совещание с присутствием представителей флота, Российского агентства по судостроению, Минатома. Мы планировали свою деятельность в области утилизации на будущий год. По отзывам участников, это совещание было наиболее конструктивным за последний год, и основные противоречия были сведены к минимуму.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Вопрос о сотрудничестве с Министерством обороны в деле утилизации атомных подводных лодок. По вашему мнению, как здесь обеспечивается безопасность, все ли благополучно?

АНТИПОВ: Проблема обеспечения безопасности, конечно, является ключевой: ведь по сути все подчинено ее решению. Сама по себе проблема утилизации – это и есть проблема безопасности. Она требует (и получает) максимального внимания, максимального финансирования, абсолютного понимания всей ее важности всеми участниками, флотом, предприятиями Россудостроения, Минатомом. Но здесь есть, как всегда, нюансы, которые заключаются в том, что каждый участник видит прежде всего те проблемы, связанные с безопасностью, которые входят в сферу его ответственности. А иногда нужно заглянуть и за горизонт. В этом плане Минатом, являясь государственным заказчиком и координатором, как бы стоит выше всех и дальше видит. Поэтому нам приходится координировать все вопросы, в том числе и вопросы безопасности.

В последнее время в прессе часто встречается мнение, что Минатом сам себя контролирует. Однако это не так. Для этого у нас есть два контролирующих органа: по гражданской ядерной безопасности – Госатомнадзор и по военной безопасности – Государственное управление по ядерному надзору. И они проявляют очень большую заинтересованность в результате своего контроля, при этом не в ущерб безопасности, а с повышением требований и критериев. Мы им признались, что те два печальных инцидента, которые произошли в последнее время – потопление лодки и неорганизованность процесса, которая привела хотя и в рамках допустимого, но все же к облучению персонала в Гремихе, – еще раз подтверждают, что нам надо уделять предельное внимание вопросам безопасности. Объективно условия, в которых мы сейчас работаем, очень напоминают ситуацию в «Сталкере», когда не всегда знаешь, что ждет впереди.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Не может ли случиться именно так, что деньги пойдут как раз на подъем затонувшей лодки К-159 и процесс финансирования активизируется в результате этого печального события? И еще чисто формальное уточнение: лодка К-159 на момент гибели принадлежала флоту или Минатому?

АНТИПОВ: К-159 принадлежала флоту. Лодка как раз переводилась на завод, и если бы она дошла до места назначения, то была бы передана Минатому. К-159

стояла в графике утилизации на этот год, но теперь она по-прежнему остается на балансе флота.

Что касается денег, то трудно сказать, увеличатся или уменьшатся поступления в результате этого инцидента. Я надеюсь на взвешенный, разумный подход наших западных партнеров. По крайней мере, это не должно снизить темпы усилий. Эта ситуация показывает, что действительно реальная опасность существует. С ней надо бороться. Более внимательно наблюдать, усилить контроль, но снижать темпы работ ни в коем случае нельзя.

Что касается российского бюджета, то он является прерогативой правительства и Государственной думы; по крайней мере, я не слышал, что это должно привести к снижению, а не, наоборот, к увеличению внимания к этой проблеме. Для себя в Минатоме мы сделали однозначный вывод, что нам нужно внимательно посмотреть на приоритеты расходования денег. Несмотря на то, что денег не хватает, они все же имеются, и необходимо очень внимательно отслеживать их расходование. Это заставляет нас еще более внимательно проанализировать те приоритеты, те технологии, которые мы используем.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Последний вопрос по Глобальному партнерству. Если посмотреть по странам, которые заявили о выделении средств, то как вы можете оценить, с кем идет сейчас наиболее динамично процесс заявок о выделении и получении средств на утилизацию АПЛ, где процесс идет медленно, где вообще не сдвинулся с мертвой точки?

АНТИПОВ: Если использовать спортивную терминологию, то финишной ленточки пока не пересек никто. Ни одна из стран-участниц Глобального партнерства не сумела довести наше взаимодействие до того состояния, когда мы бы заключили контракт и получили какие-то деньги. Я не говорю здесь о Норвегии, поскольку формально она не является членом «Большой восьмерки», но в качестве присоединившейся страны после Эвиана она тем не менее тоже может рассматриваться. Норвегия – это единственная страна, которая заключила реальные контракты и начала финансирование утилизации двух лодок.

После подписания межправительственного соглашения с Германией будет заключено несколько контрактов с немецкой стороной по строительству берегового пункта хранения для реакторных отсеков в Сайда-губе, и мы надеемся начать реализацию этих контрактов уже в этом году.

С Великобританией мы подписали межправительственное соглашение во время визита Президента В. В. Путина этим летом в Лондон и нашли механизм максимально простого и быстрого получения исполнительного соглашения через

обмен письмами. Мы наметили конкретные проекты, и я надеюсь, что если не в этом году, то в начале следующего будут заключены контракты по этим проектам³.

Менее оптимистично я смотрю на развитие процесса с Японией, хотя, казалось, с Японией мы были наиболее близки к финишной черте, так как этим летом совместно подписали исполнительное соглашение. Прорабатывается контракт на утилизацию лодки класса «Виктор» на заводе «Звезда». Мы очень хотели подписать этот контракт еще в августе, но сроки неоднократно переносились. Честно говоря, я вижу некие искусственные препятствия, которые выдвигаются с японской стороны. Я не знаю, с чем это связано, скорее всего, это какие-то политические влияния внутри Японии. Мы договорились провести заседание совместного российско-японского комитета по этой проблеме в конце ноября, и, может, нам удастся разрешить те пока непонятные противоречия, неясности, которые имеются на данный момент⁴.

Франция, которая является председателем «Большой восьмерки» в этом году и, по идее, должна служить примером развития практических действий, очень много времени тратит на обсуждения, политические заявления, а не на конструктивный обмен мнениями. И сегодня я не вижу ни одного конкретного контракта с Францией, который может быть заключен в ближайшее время, если не считать контракт с Мурманским морским пароходством по плавтехбазе «Лепсе». Этот проект с большой натяжкой можно отнести к Глобальному партнерству, поскольку он начался задолго до выдвижения инициативы по Глобальному партнерству. Здесь хотелось бы отметить, что существует общая тенденция со стороны партнеров России подтянуть всю их деятельность под зонтик Глобального партнерства. Но мы готовы и на таких условиях получать помощь, если это ведет к усилению безопасности, экологической или ядерной.

Что касается Италии, то мы подписали межправительственное соглашение в ходе визита Президента В. В. Пугина в Рим в ноябре 2003 г. После этого мы с Италией выберем из шести проектов, предварительно обозначенных для сотрудничества, тот, который можно реализовать быстрее всего. Необходимо сказать, что подход итальянской стороны отличается от подходов других стран. Италия с самого начала определила конкретную фирму, которая будет представлять эту страну, в то время

³ 19 ноября 2003 г. Россией и Великобританией было подписано четыре контракта, направленные на решение проблем ядерной и радиационной безопасности в Мурманской области, подписаны в Мурманске между Минатомом России и Минэкономики Великобритании в ходе работы 17-го заседания контактно-экспертной группы МАГАТЭ. Три контракта касаются реабилитации хранилища радиационных отходов и отработанного ядерного топлива в губе Андреева. В частности, речь идет о создании крыши над блоками сухого хранения, обследования помещения N5 и комплексного обследования самого хранилища. Четвертый контракт предусматривает разработку проекта по созданию наземного хранилища для ОЯТ, которое не подлежит переработке и находится в трюмах плавтехбазы «Лотта». В качестве первого транша на решение проблем реабилитации хранилища в губе Андреева Великобритания выделила 8 млн долларов. Прим. ред.

⁴ 14 ноября в Москве состоялось 19-е заседание Правления японо-российского комитета по сотрудничеству в целях содействия в области ликвидации подлежащего сокращению в России ядерного оружия. В ходе заседания была подтверждена договоренность сторон относительно содержания финансового и рабочего контрактов для осуществления проекта демонтажа атомной подводной лодки класса Виктор-3. Прим. ред.

как другие страны представляют различные ведомства. К чему это приведет, покажет будущее, фирма известная, у меня нет к ней никаких претензий, но боюсь, что подмена понятия государства понятием фирмы может вызвать некие сложности во взаимоотношениях.

С Канадой ситуация складывается следующим образом. Канада объявила еще в апреле 2003 г. о своем намерении выделять финансирование для утилизации примерно трех лодок в год. Канада пообещала в очень короткий срок, буквально в течение нескольких недель, подготовить проект межправительственного соглашения для осуществления этой деятельности. Кроме того, она определила деньги уже в этом финансовом году, которые могут идти на разные направления деятельности. Но, как выяснилось, эти деньги не могут быть получены Россией, так как межправительственного соглашения по-прежнему нет, а проект соглашения, который предложила нам Канада, имеет такое большое количество сложностей и точек столкновения интересов стран, что могут потребоваться годы на то, чтобы договориться о соглашении. Мы, со своей стороны, предлагаем упростить это соглашение, брать апробированные формулировки по различным направлениям деятельности, по ответственности, налогообложению из уже действующих соглашений, например МНЭПР, но пока не находим в этом отношении полного взаимопонимания с канадской стороной. Вот почему я опасюсь, что в ближайшее время ожидать помощи от Канады не придется.

США в проблеме утилизации многоцелевых лодок в рамках Глобального партнерства стоят особняком: с самого начала они заявили, что на утилизацию многоцелевых лодок по Глобальному партнерству денег давать не будут, так как считают, что достаточно того, что они дают деньги на утилизацию стратегических лодок и на другие программы, скажем, на программы трудоустройства ученых-ядерщиков в закрытых городах, на проблемы утилизации плутония. В данном случае наша позиция заключается в том, что мы будем признательны нашим партнерам за предоставление помощи в любых областях, которые они выберут.

Наше сотрудничество со Швецией в основном посвящено проблемам береговых баз, экологического мониторинга, радиационной разведки, разработки совместных проектов. Это небольшие деньги, но тем не менее они реальные. Кстати, Великобритания тоже помогает в этом направлении.

Финляндия участвует через программы TACIS по проблеме безопасности атомных электростанций. Но я все_таки стараюсь эту проблему в рамках Глобального партнерства не рассматривать.

Многие из оставшихся стран (кроме Норвегии) пока даже не заявляли о своей помощи.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Вы упомянули программу Совместного уменьшения угрозы как удачный пример сотрудничества. Чувствуете ли вы в последнее время какие-либо увязки, так или иначе направленные на продолжение оказания помощи американцев совместно с Минатомом в завершении строительства атомной станции в Бушере?

АНТИПОВ: Конечно, прямых увязок нет. Есть некие условия продолжения сотрудничества, которые иногда упоминаются. Это условия, связанные, например, со статьями по гражданской ответственности. Здесь американцы открыто говорят, что если мы не изменим свою позицию, то они не только сами начнут сворачивать сотрудничество с нами, но и еще будут оказывать влияние на своих коллег из других стран. Но тема Бушера в этом контексте не звучит. По крайней мере в том секторе деятельности, информация по которому мне доступна.